

Дядя Ваня

Николаенко А.

Я никогда не предполагал, что вернусь к разговору об А. Корсуне, что мне удастся встретиться с его потомками. И вот сегодня я знаю: потомки эти живут в Ростове-на-Дону. Теплым июньским днем я выехал к правнучке А. Корсуна, того самого, который дружил с Н. Костомаровым, Н. Кукольниковым, Д. Мордовцевым, Данилевским, Н. Щербиной. Конечно, предварительно мы созвонились, даже обменялись письмами. Я выслал свою статью об А. Корсуне («Таганрогский вестник», 1996). В ответ получил фотографию А. А. Корсуна, надпись на которой говорит, что снимок был сделан в августе 1883 года в «Фотографическом заведении Исаковича». И вот мы встретились.

Мы смотрим семейные фотографии. Их много. Мое внимание обращают на небольшой фотоальбом со снимками 1908 года. На террасе дома, у флигеля, у пруда. Есть даже снимки у «Панского сада». На мое недоумение мне сулыбкой поясняют: «Да, да! И тогда он назывался «панским». И то, что вижу на сохранившихся фотографиях, очень напоминает виденное мною возле села Любовка и о чем я писал в статье об А. Корсуне

На террасе дома чаепитие. Справа сидит представительный мужчина. Говорят, что это Паганат, сосед Корсуков. Фамилия Паганат встречается в архивных материалах. Так, в краеведческом музее в Таганроге экспонируется карта заселения в XVIII веке Приазовского края. В «Истории Таганрога» П. Филевского (стр. 99) упоминается «Погонат» (такова транскрипция фамилии) в числе тех 11 греческих дворян, что заняли «места от Миусского лимана по берегу моря за реку Самбек до реки Каменки» Сведения эти относятся к 1783-1786 годам.

Почему-то вспомнилось село Багнатово. Когда мы искали в 1996 году место захоронения А. Корсуна, мы заблудились и попали на какое-то заброшенное кладбище со старыми могилами. Как нам после рассказали, здесь хоронили еще в 1960-х годах. Рядом когда-то было село Багнатово. А может быть, Пагнатово или Паганатово? Память человеческая не очень надежна. Особенно на имена и названия. Да и вместо «Б» произнести «П» ничего не стоит. В быту так и бывает.

Показали другие фотографии из этого маленького семейного альбома. Мое внимание обратили на ту, где в «Панском саду», на поляне, окруженный детьми сидит мужчина средних лет. «Вот это моя бабушка, – показали мне на девочку слева. – А это дядя Ваня».

Спрашиваю: «Какой дядя Ваня?». И в ответ слышу историю... У А. Корсуна было пять сыновей и две дочери. Первый сын родился в 1861 году, когда А. Корсуну было уже 43 года. Потом были дочь Елена и второй сын Иван. Надо полагать, что родился он в 1863 году.

И меня посвящают в семейную легенду, которая давно не представляет тайны. Оказывается, Иван Корсун, второй сын, родился от любви молодой жены А. Корсуна с соседом. Впоследствии у супругов Корсун были еще сыновья Константин, Владимир, Александр и дочь Софья. А вот Иван так и остался незаконнорожденным. Это было одной из причин того, что он был как бы человеком не своего круга и всю жизнь провел в деревне, управляя имением. Соответствующего образования не получил. В город выезжал редко.

– А знаете, – говорят мне, – дядя Ваня был прообразом того самого дяди Вани, о котором рассказывает А. Чехов в своей известной пьесе.

Это для меня новость. Да и, по-видимому, не только для меня. Когда мы встречались второй раз, присутствовавший Ростислав Игоревич Корсун, один из прямых потомков А. Корсуна, спросил у рассказывающей:

– А откуда это известно?

– Мне дядя Игорь говорил.

И Ростислав Игоревич подтверждает, что его отец всегда говорил только то, что знал наверное. И тут же добавляет: – Теперь я начинаю понимать, почему дедушка (старший сын А.А.Корсуна) иногда недолго любил А.П.Чехова. Все-таки А.Чехов рассказал о семейной тайне.

Я думаю, дело не только в тайне. В 1996 году в Нью-Йорке издательство «Слово» выпустило книгу Марка Розовского «Чтение «Дяди Вани». В ней приведена достаточно емкая характеристика образа данного героя пьесы. Прежде всего – это чисто русское «обличительство» – сидеть по горло в трясине и поливать свое же болото грязью. Дяде Ване лучше всего это делать, ибо ему хуже всех. И именно таким образом А.Чехов иллюстрирует крах человеческой личности, к которому ведет кошмар обыденности, Дядя Ваня в таком контексте – это вырождение человека, полное и окончательное. И Алексей Александрович Корсун, один из образованных людей своего времени, это прекрасно понимал.

– И тем не менее А.Чехов переписывался с дедушкой, – добавляет рассказывающая. И тут же возникает естественный вопрос: «А были знакомы Корсуны и А.П.Чехов?»

Я вышел на А.Корсуна, изучая духовное окружение Н. Кукольника. Много узнал я нового, интересного, но что поиск выведет на А.Чехова, для меня оказалось большой неожиданностью. И тем не менее..

Я обращаюсь к собраниям сочинений А.Чехова. Здесь имеются именные указатели, но фамилия А.Корсуна в них не встречается. Но разве это что-нибудь значит? Фамилия Лицына здесь тоже отсутствует, но достоверно известно, что Н.Лицын и А.Чехов переписывались. Правда, в проведенных исследованиях по таганрогскому окружению А.Чехова (В.Седегов, Е.Кожевникова, С.Щеглова, Е.Шапочка и др.) фамилия Корсуна ни разу почему-то не упоминается. Но, наверное, это говорит прежде всего о том, что никто из тех, кто так давно изучает А.Чехова, просто не обратил внимания на контакты А.Чехова с семьей Корсун. А такие были.

– В нашей семье долго хранились письма А.Чехова к Алексею Александровичу Корсуну, старшему сыну, – продолжают рассказ потомки А.Корсуна. – Потом эти письма были переданы вроде бы Пушкинскому дому. А потомки, живущие в Киеве, даже видели эти письма и сняли с них копии.

И тут еще одна неожиданность.

– А это портрет Зембулатова.

И мне показывают фото мальчика в странной шапке. Фото сделано в Новочеркасске. Надписей на фото нет никаких.

– Младшая дочь А.Корсуна Софья была замужем за Зембулатовым, – продолжают рассказ и, улыбаясь, добавляют: – Да, Зембулатовы где-то живут в Мариуполе. Куда-то задевался их адрес. Они писали нам и даже приезжали в Ростов-на-Дону в гости.

Здесь я задумываюсь. А.П.Чехов родился в Таганроге в 1860 году. Алексей Корсун учился с ним в гимназии. Иван Корсун, по существу, его ровесник. Софья Корсун была лет на пять моложе. Вышла замуж за какого-то Зембулатова. Тогда не о ней ли писал А.Чехов в письме из Таганрога от 7-19 апреля 1887 года? «Еду к Еремееву, не застаю и оставляю записку. Отсюда к т-те Зембулатовой [...] У Зембулатовой сантуринское и пустословие. От нее домой к дяде».

Дом дворянки Анны Зембулатовой, как сообщил мне О.Гаврюшкин, находился на пересечении Варвацьевского переулка и улицы Чехова. Эту же информацию я получил и от М.Киричек. Не свекровь ли Анна той самой Софье, что была дочкой А.Корсуна? Но если это она, то Софье Зембулатовой должно быть лет 20-21, а самому А.Чехову 27 лет. А В.Зембулатову – и того больше. Учились они вместе с А.Чеховым и в гимназии, и в Московском университете. Правда, и сведения о Зембулатове не так уж обширны. У Чехова о Зембулатове мы нашли в письмах две заметки. В письме от 1883 года из Москвы он пишет: «Пили с «Васей» брудершафт, а остальное человечество записали в разряд ограниченных». А в письме от 11 февраля 1893 года из Мелихово А.Чехов уточняет: «Зембулатов тоже врачом, на Курской дороге». Зембулатова звали Василий Иванович.

Вот и суди тут, кто есть кто? Пытаюсь что-то найти у чеховедов о В.Зембулатове. Интересная это наука – «чеховедение». Нахожу в научных комментариях к мемуарам, что В. Зембулатов умер в 1908-м. Так комментируют воспоминания Г.Россолимо, где пишется о встречах с А.Чеховым в 1904 году. Если верить этим воспоминаниям, то В.Зембулатов к 1904 году уже умер. Это вселяет надежду, что еще во многом неточны чеховеды и что-то еще можно найти, узнать, уточнить.

Спрашиваю у потомков, а как звали Зембулатова, который был мужем Софьи Корсун. Ответа нет, но один из присутствующих вспоминает, что к ним из Мариуполя уже в 1960-е годы приезжала дочь Зембулатова Екатерина Васильевна. Получается, что это тот самый Зембулатов, Василий? Или я ошибаюсь? А что же думает по этому поводу «чеховедение»?

В воспоминаниях М.П.Чехова рассказывается о поездке А.Чехова к В.Зембулатову. Жил он в имении Котломино, близ Ефремовки, что в 40 км от Таганрога. Нужны документы. Их пока нет. Судя по всему, никто никогда и не был в Ефремовке, не беседовал со старожилами.

Рассказывая все это, мы не утверждаем, что все так и было. Это просто воспоминания и мысли вслух. Однако вывод, что А.Чехов был знаком с детьми А.Корсуна, общался с ними в Таганроге, вполне вероятен. Поэтому и мысль, что Иван Корсун был прообразом «дяди Вани», тоже правдоподобна.

Перечитываю «Дядю Ваню» и «Лешего». Эти две пьесы очень связаны друг с другом, и первая в значительной степени есть результат переработки второй. Вдумываясь в описание мест, где происходит действие, я никак не могу избавиться от ощущения, что все это (или почти все) я уже видел. То ли там, возле Любовки, когда искал имение А.Корсуна и его могилу, то ли на фотографиях семейного альбома с этим самым «Панским садом», Паганатом и чаепитием на веранде. И то, что А.Чехов в своих описаниях использует впечатления от этих мест, сомнения не вызывает. Даже реплика «здесь немного жарко и кусают комары» подтверждает это, ибо действие-то в пьесе идет осенью. А осень в наших краях особенная. Именно осенью у нас «немного жарко» и очень «кусает комары», а «на реке ловят раков». Даже «бабье лето» в октябре покоряет. Это не то, что в Подмосковье или, скажем, где-то в Сумах, на Украине. Это совсем другое. Но Сумы, Ялта описаны, исследованы, а о наших краях как-то забыли...

О местах близ Любовки навевают упоминаемые в пьесах многочисленные пруды (озера у А.Чехова) и сады, и мостики (которые заменили дороги, перегородившие реку Бирючью так, что никто и не помнит, когда тут была река), и плотина, и даже мельница у плотины. Эту мельницу помнят старожилы. От нее сегодня не осталось и развалин. И, наконец: «Какой хороший воздух!»

Правда, нет лесов, о которых пишет А.Чехов, но что-то говорит о них, особенно когда сегодня смотришь вниз, на озеро у той самой исчезнувшей сегодня с лица земли деревни Паганатовки. Нет и живности, которая «носила тучей», хотя взлетевшую цаплю у той самой дамбы (плотины), что похожа на описываемую А.Чеховым в «Лешем», мы засняли и даже показывали на «МиГ-TV» в передаче об А.Корсуне. И конечно, нет тех «сел и деревень», «разных выселков, хуторочков, раскольничьих скитов, водяных мельниц», о которых с таким сердцем говорил Астров дяде Ване. Но что поделаешь? Те, о ком так восторженно мечтает в финале пьесы Соня («Мы увидим небо в алмазах», ибо «милосердие наполнит мир»), все это не просто уничтожили, как, скажем, Богданово-Антиповку и Паганатовку. Они и после разрушения продолжали уничтожать память, ибо их милосердие, видимо, было таким.

Конечно, все высказанное мною – это предположения, которые я сделал на основе сопоставления виденного с прочитанным в пьесах «Леший» и «Дядя Ваня». И тем не менее... Известно ведь, что А.Чехов писал только то, что видел. Исследователи А.Чехова часто цитируют письмо к Ф.Батюшкову от 15 (1) декабря 1897. Попробую и я это сделать, ибо здесь это очень уместно. В письме А.Чехов признается, что умеет писать «только по

воспоминаниям». Нужно, чтобы память «процедила сюжет, и чтобы нЗней, как на фильтре, осталось только то, что важно или типично».

История создания большинства пьес А.Чехова хорошо известна. «Дядя Ваня» в этом отношении исключение. В этом сходятся исследователи А.Чехова, в частности В.Лакшин и Н.Гитович. Даже точная дата написания «Дяди Вани» не установлена. Впервые пьеса опубликована в 1897 году. Первые упоминания о «Дяде Ване» содержатся в письме А.Чехова к Суворину от 2 декабря 1896 г. в связи с подготовкой к печати сборника его пьес. В 1898 году он писал М.Горькому, что «Дядя Ваня» написан давно», а в письме к Дягилеву от 20 сентября 1901 года он отнес создание пьесы к 1890 году. И тем не менее о прототипах некоторые указания встречаются.

А.Елифанский, например, в своих воспоминаниях заметил, что в «Дяде Ване» легко узнать лиц, с которыми А.Чехов встречался летом 1889-го и 1890 г. во время пребывания в усадьбе Линтваревых. «В Сумах там могут указать на героев Чехова... Назовут Соню, профессора Серебрякова, Вафлю...» Возможно, это и так. Но отдельные исследователи считают, что «Дядя Ваня» был написан в 1890 году, а если обратиться к «Лешему», откуда в «Дядю Ваню» перешли многие детали, то мы попадаем в 1888 год. В Сумах в это время А.Чехов еще не был.

И есть еще один маленький штрих. Помните, в «Лешем» в третьем действии зарево пожара? Правда, над тем, как его изобразили на премьере, смеялись зрители. И тем не менее пожар был. Где? У Линтваревых? Не знаю, не знаю. А вот у Корсунов был. Да еще какой!

– Вот все, что сохранилось от дома А.Корсуна после пожара, – сказала мне хозяйка, показав на икону Николая-угодника. – Ее успели выбросить со второго этажа. Все остальное сгорело.

Ростислав Игоревич уточняет, что у А.Корсуна была богатая нумизматическая коллекция. После пожара на пепелище нашли только спекшуюся массу серебра. Больше ничего не осталось. А. Корсун не разрешал никому проникать в горящий дом, опасаясь за их жизнь.

А когда я пытался уточнить, не во время ли гражданской войны произошел пожар, мне объяснили:

– Нет! Причина пожара точно не известна, но произошел он в 1860-х годах. Вроде бы отмечали какой-то праздник. Ничего спасти не удалось.

И мне рассказывают историю о пожаре. Семья даже была вынуждена потом распродавать семейные реликвии, чтобы как-то выйти из положения.

«Как страшно! Я боюсь пожаров! – говорит Юля в «Лешем». А Дядин добавляет: «Семен, сбегай на плотину, погляди оттуда, что горит, может, видно».

Если плотина была там, где сегодня дамба, которую мы видели в Любовке, то с нее действительно можно увидеть, если что-то горело в Богданово-Антиповке. Каков был смысл вводить в сюжет пожар, сказать не могу, ибо позднее А.Чехов в «Дяде Ване» его убрал. Но пожар все-таки был! И был не только в пьесе, но и в жизни.

Прототипом Серебрякова мог послужить, по предположению В.Лакшина, известный прогрессист, народник Южак. Частицу сходства с портретом Серебрякова увидели в М.Меньшикове («в сухую погоду ходит в калошах, носит зонтик...»). Есть и такое свидетельство Н.Эфроса: «В Серебрякове будто бы узнал себя один московский популярный профессор – историк литературы, вознегодовал, что выставили его на публичное осмеяние, другие на него обиделись».

И, наверное, все это так. Я думаю, что художественный образ все-таки образ собирательный. Однако молодая жена при старом профессоре – это тоже деталь биографии. И биографии не только Серебрякова, но и самого А.Корсуна. И не просто молодая. К ней равнодушен сосед («Леший», если вам будет угодно). Этим она чем-то напоминает Елену Андреевну. Впрочем, любые прямые аналогии, я понимаю, здесь просто неуместны. Однако инициалы-то совпадают. Жену Корсуна звали Елизавета Августовна, а сестру дяди Вани в пьесе, кстати, Еленой. Да и сам А. Корсун чем не Серебряков? Увлекался просветительскими

идеями, собирал монеты, что-то писал по фольклору, даже где-то проходит по делу Кирилло-Мефодиевского братства со своими идеями украинского славянофильства, но так и значащийся до сих пор в истории украинской литературы второстепенным поэтом, о котором еще в 1908 году в украинских изданиях писали, что о нем ничего не известно.

В Соне М.П.Чехов усматривал сходство с сестрой Марией Павловной. Он как-то заметил по этому поводу: «Ах, какая это превосходная пьеса! [...] Какой великолепный конец! И как в этой пьесе я увидел нашу милую, бедную, самоотверженную Машеньку» (письмо от 22 ноября 1899).

Но о самом дяде Ване ни у кого ни слова. Встречается лишь упоминание о недостаточной четкости этого образа. Жена профессора хирургии А.Дьяконова однажды заметила, что пьесу скорее бы «можно было назвать «Доктор Астров», так как личность доктора гораздо более рельефна, активные и пассивные стороны ее ясно и понятно обоснованы общественными условиями».

Но дядя Ваня все же был. Уже сами обстоятельства его рождения предопределили ему судьбу «маленького человека», чья жизнь должна невольно приноситься в жертву счастью прежде всего других. Это тем более трагично, что сам он – умный и одаренный человек. Всмотритесь в лицо этого человека на фото, где он окружен детьми в «Панском саду». Том самом, о котором у А.Чехова сказано: «Это укромный поэтический уголок земли, где ночью слышится плеск русалок, а днем...». Не знаю, как насчет русалок, но я там был и был покорен этими местами.

Дядя Ваня не просто талантлив. Он труженик, который никогда не знал ни отдыха, ни полноценного счастья. Таков он в пьесе, таков и в жизни. Да, в жизни у него есть семья. Жена – Василиса Антоновна Рыбкина, двое детей – Петр и Елизавета (то, что в пьесе ничего этого нет, делает образ только более трагичным). Но грехи родителей томят душу. И поэтому сам факт использования дяди Вани в качестве прообраза героя пьесы, наверное, можно признать. Но для этого надо рассматривать пьесы «Леший» и «Дядя Ваня» в совокупности, как одно целое.

Видимо, А.Чехов хорошо знал судьбу дяди Вани. И, видимо, он понимал ее прежде всего так, как мог понимать только один А.Чехов. «Просто удивительно, как он узнавал о нас все, – вспоминал об А.Чехове П.Шишков, – так мало говоря сам. Он обладал искусством поддерживать беседу, вставляя лишь отдельные слова. Беседы с ним сводились к тому, что ему рассказывали, а он молчал. Невозможно было узнать, что он думает на самом деле. Он никогда не раскрывал себя, он открывал души других».

Душу дяди Вани он открывал для себя постепенно. В этом, наверное, одна из причин трудного пути от «Лешего» к «Дяде Ване», о которой А.Чехов никогда не рассказывал. И если вначале в «Лешем» все взаимоотношения Войницкого с окружающими замкнуты в сфере исключительно нравственной, в сфере какой-то присущей русскому характеру вражды и недоверия между хорошими в сущности людьми, и Войницкий не выдерживает, уходит из жизни, то позднее, уже создавая «Дядю Ваню», А.Чехов переносит нас в сферу социальную, показывая тех же людей в общественной жизни.

Я не знаю, как все сложилось в судьбе настоящего дяди Вани. То, что он не стрелялся, это известно точно. Но у А.Чехова дядя Ваня приходит к выводу, что его лучшие годы отданы не тому, чему надо было. Впрочем, а чему надо было?

В «Учителе словесности» А.Чехов с сердцем подчеркивает, что нас «окружает пошлость и пошлость. Скучные, ничтожные люди, горшочки со сметаной, кувшины с молоком, тараканы, глупые женщины... Нет ничего страшнее, оскорбительнее, тоскливее пошлости». В «Дяде Ване» он идет дальше и на примере главных героев пьесы показывает, что эта обывательская, пошлая жизнь не просто крепка. Она устойчива. Она поглощает всех, в том числе и дядю Ваню, превращая работающих во имя дела в чудаков, ибо реальные изменения жизни невозможны, какбы вы ни работали. И, видимо, здесь уместно прозвучат следующие слова А.Чехова:

«Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр. Я верю в отдельных людей и вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям, интеллигенты они или мужики – в них сила, хотя их мало».

Дядя Ваня один из таких. Это – личность, хотя и постепенно деградирующая. Он живет со скромным достоинством и гордостью трудолюбца и несет через всю жизнь преданность делу. И поэтому для меня сегодня очень больно звучат слова Астрова, которые он говорит дяде Ване со вздохом: «У нас с тобой только одна надежда и есть. Надежда, что когда мы будем ночевать в своих гробах, то нас посетят видения, может быть, приятные».

Я посетил заброшенные кладбища в Богданово-Антиповке и Паганатово. О первом я уже писал в «ТВЪ» в 1996 году. А о втором приведу те строки, что я записал себе по возвращении из поездки: «Когда мы нашли кладбище, то мы ничего не увидели. Передо мною была изуродованная временем и людьми возвышенность. За спиной были остатки какого-то сада, рядом забытые, заросшие сиренью могилы. На некоторых были старые надгробья, полуразрушенные той же сиренью, без надписей. Кое-где из земли выступали металлические остовы крестов. И изрытая земля. Видимо, выгребая ее зачем-то, люди создали здесь искусственные холмы, которых я насчитал три. Зачем они тут и кем были созданы, так я и не понял».

Позже, когда мы разговаривали в Любовке с местными жителями, нам пояснили, что на месте кладбища по решению местных властей был организован скотомогильник. Местность эта когда-то называлась, если верить архивным документам [ГАРОф.Р-27. ф.1, д.222 л.17-19], Благодать Сашина, или Богунатовка. Тут где-то среди этого скотомогильника и исчезнувшей Богунатовки, возможно, и ночует доктор Астров. А может быть, и дядя Ваня? Какие видения посещают их? Мы уже никогда не узнаем.

Впрочем, есть сведения, что дядя Ваня в конце прошлого века все же приобрел дом в Таганроге и поселился здесь в районе Касперовки. Там жили и его дети, и не исключено, что и внуки сегодня живут тоже в Таганроге. Знают ли они эту историю с «дядей Ваней», их дедушкой? А если знают, может, позвонят мне по телефону 4-39-89 с 8.00 до 11.00, кроме воскресенья. Я буду им очень благодарен.